

АНТИЧНЫЙ
МИР

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

М.Б.
Елисеев

Античный мир

Михаил Елисеев

Первая Пуническая война

«ВЕЧЕ»

2018

Елисеев М. Б.

Первая Пуническая война / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8047-8

Первой Пунической войне суждено было навсегда остаться в тени второй войны Рима с Карфагеном. Морские битвы при Милах и Экноме, грандиозные сражения на суше при Панорме и Баграде оказались забыты на фоне блестящих побед Ганнибала при Треббии, Тразименском озере и Каннах. Несмотря на это, Первая Пуническая была одним из самых масштабных военных противостояний Древнего мира, которое продолжалось двадцать три года. Недаром древнегреческий историк II века до н. э. Полибий говорит ясно и недвусмысленно: именно Первая Пуническая является наиболее показательной войной между двумя сверхдержавами Античности. Боевые действия этой войны развернулись в Сицилии и Африке. На полях сражений бились многотысячные армии, а огромные флоты погибали в морских сражениях и от буйства стихий. Чаша весов постоянно колебалась то в одну, то в другую сторону, и никто не мог предсказать, на чьей стороне будет победа.

ISBN 978-5-4484-8047-8

© Елисеев М. Б., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Предисловие	5
Краткий обзор источников	7
I. Накануне войны	11
1. Карфаген	11
2. Армия и флот Карфагена	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Елисеев

Первая Пуническая война

Предисловие

Первой Пунической войне суждено было навсегда остаться в тени второй войны Рима с Карфагеном. Морские битвы при Милах и Экноме, грандиозные сражения на суше при Панорме и Баграде оказались забыты на фоне блестящих побед Ганнибала при Треббии, Тразменском озере и Каннах. Несмотря на это, Первая Пуническая была одним из самых масштабных военных противостояний Древнего мира, которое продолжалось двадцать три года. Недаром древнегреческий историк II века до н. э. Полибий из всех войн эпохи выделил именно первую схватку между Карфагенской державой и Римской республикой: *«нелегко указать более продолжительную войну, лучшее во всех отношениях вооружение, более напряженную деятельность, более многочисленные сражения и более замечательные превратности счастья, чем те, какие испытаны были обеими сторонами в этой войне. Самые государства хранили в то время свои учреждения нерушимо, пользовались умеренным благосостоянием и были равносильны. Поэтому всякий желающий оценить верно особенности и силу обоих государств должен принимать за основу сравнения скорее эту войну, а не последующие»* (I, 13). Историк говорит ясно и недвусмысленно: именно Первая Пуническая является наиболее показательной войной между двумя сверхдержавами античности.

Боевые действия развернулись в Сицилии и Африке, на полях сражений бились многотысячные армии, а огромные флоты погибали в морских сражениях и от буйства стихий. Чаша весов постоянно колебалась то в одну, то в другую сторону, и никто не мог предсказать, на чьей стороне будет победа. Как в Риме, так и в Карфагене появились талантливые военачальники, резко выделявшиеся среди своих товарищей по оружию. У римлян это были консулы Гай Лутаций Катул, победивший пунийский флот в битве при Эгадских островах, и Луций Цецилий Метелл, разгромивший вражескую армию при Панорме. Карфагенский адмирал Атарбал уничтожил римские военно-морские силы в сражении при Дрепане и заставил сенат надолго отказаться от борьбы за господство на море, а легендарный Гамилькар Барка едва не выиграл битву за Сицилию.

К концу войны враждующие стороны были сильно истощены. Но армия Рима обладала более мощными мобилизационными ресурсами, чем наемные войска Карфагена. Да и сами римляне с гораздо большей стойкостью переносили выпавшие на их долю трудности и лишения, чем карфагеняне. В решающий момент сенат сумел мобилизовать народ, и это последнее усилие обернулось для Римской республики победой в войне. Пунийцы не нашли в себе сил поступить так же, как их враги, проявили слабость и в итоге проиграли.

Но беды карфагенян на этом не закончились. Грандиозное восстание наемников и местного ливийского населения поставило Карфаген на грань гибели. Для пунийцев эта война оказалась страшнее войны с римлянами, поскольку здесь речь шла о самом их существовании. Лишь военный гений Гамилькара Барки и сосредоточение всех сил и ресурсов государства позволили карфагенянам одержать верх над армиями восставших. Но цена, заплаченная за победу, оказалась очень высокой, страна была полностью разорена, а римляне, пользуясь трудным положением пунийцев, аннексировали Сардинию.

Однако в Карфагене нашлись люди, готовые восстановить военную мощь своей страны и поднять на международной арене ее подорванный престиж. Герой войны с римлянами и восставшими наемниками Гамилькар Барка начал завоевание Испании, чтобы создать на Иберийском полуострове базу для новой войны с Римом. Когда Гамилькар погиб в бою, его зять Гасдрубал продолжил наступление на земли испанских племен. Основав Новый Карфаген, Гасдрубал превратил Испанию в плацдарм для нападения на Италию. После убийства Гасдрубала карфагенскую армию в Иберии возглавил сын Гамилькара Ганнибал.

С детства воспитанный в ненависти к Риму, Ганнибал рассматривал свое пребывание в Испании как подготовку к большой войне с республикой. Перед походом в Италию он должен был обезопасить тыл и поэтому провел серию операций против непокорных испанских племен. Битва на реке Таг поставила точку в завоевании карфагенянами большей части Иберийского полуострова. Оценив обстановку, Ганнибал перешел к активным действиям против Рима и атаковал союзный им город Сагунт. Разрушение Сагунта ознаменовало начало нового вооруженного противостояния двух держав в Западном Средиземноморье.

В данной работе рассматривается не только Первая Пуническая война, но и отрезок времени от заключения мирного договора с Римом вплоть до начала похода Ганнибала на Италию. По большому счету, вторая война между Римом и Карфагеном была не более чем продолжением первой войны через определенный промежуток времени. Соперники просто взяли своеобразный тайм-аут, чтобы отдохнуть и набраться сил перед новой схваткой. Весь вопрос заключался в том, кто раньше будет готов к очередному витку вооруженного противостояния.

Ситуация очень напоминает ту, что сложилась в Европе между Первой и Второй мировыми войнами. Причины, которые породили первую войну, никуда не делись, победители унизили побежденных, и реваншистские настроения овладели умами государственных деятелей проигравшей страны. При таком раскладе вторая война становится логически неизбежной как в XX веке, так и в Древнем мире.

Краткий обзор источников

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на принципиальный момент: все, что известно о войнах между Римом и Карфагеном, нам известно со слов греков и римлян – злейших врагов пунийцев. Поэтому говорить о какой-либо объективности при освещении этих событий в письменных источниках не приходится.

Из огромного литературного наследия великого Карфагена уцелел только трактат военачальника Магона «О земледелии» в 28 книгах. И произошло это только потому, что римляне, будучи людьми весьма практичными, сумели оценить важность данного труда. Плиний Старший рассказал о том, как это происходило: *«Составить руководство по земледелию почиталось делом весьма важным и у народов чужеземных; этим занимались и цари: Гиерон, Филометор, Аттал, Архелай, и полководцы: Ксенофонт и пуниец Магон, которому сенат наш по взятии Карфагена оказал великую честь: библиотеки он роздал африканским царькам, и только двадцать восемь томов его сочинения постановил перевести на латинский язык, хотя имелось уже руководство, составленное Катоном»* (XVIII, 22)¹. А «африканские царьки», судя по всему, зачитали свои библиотеки до дыр. Что же касается трактата Магона, то переводил его Децим Силан, *«происходивший из весьма знатного рода»* (Plin.HN. XVIII, 23). Хотя существовал и другой перевод, сделанный на греческом языке. Римский ученый-энциклопедист Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.), перечислив греческих авторов, писавших о сельском хозяйстве, сообщает информацию такого свойства: *«Их всех известнее Магон карфагенянин, который все разрозненное охватил в двадцати восьми книгах, написанных по-пунийски; Кассий Дионисий из Утики перевел их в двадцати греческих, которые и послал претору Секстилию: в этих свитках он немало чего добавил из книг тех греческих писателей, которых я назвал, а у Магона отнял целых восемь книг»* (I, 10). Претор Секстилий был в 88 году до н. э. наместником Африки и прославился тем, что отказал в помощи Гаю Марию, бежавшему из Рима в его провинцию. Как следует из текста, Кассий Дионисий переводил трактат «О земледелии» в конце I века до н. э., что может свидетельствовать только об одном – книги Магона все еще сохранялись на языке оригинала. Вне всякого сомнения, перевод трактата Децимом Силаном на латинский язык был сделан значительно раньше.

Из литературного наследия Карфагена уцелел и «Перипл Ганнона», где рассказывается о путешествии карфагенян вдоль западного побережья Африки. Но произошло это только потому, что «Перипл» был в свое время переведен на греческий язык любознательными эллинами. Немалую роль сыграло и то, что он был записан на стене храма Баала в Карфагене и доступен для всеобщего обозрения, а не написан на папирусе или коже. Иначе бы тоже канул в Лету...

Сохранность греческих и римских письменных источников по истории Первой Пунической войны оставляет желать лучшего, поскольку разделы, посвященные этой теме в трудах историков античности, в силу объективных и субъективных причин просто не дошли до наших дней. А если и сохранились, то излагают ход боевых действий либо в отрывках, либо в краткой и сжатой форме. Рассмотрим вопрос более подробно.

Основная информация по истории первой войны Рима с Карфагеном содержится во «Всеобщей истории» Полибия. Но здесь есть несколько моментов, на которые хотелось бы обратить внимание. Дело в том, что Полибий не ставил перед собой цель подробно описать историю Первой Пунической войны. Рассказ об этой войне и восстании наемников, которое последовало по ее окончании, несмотря на масштаб описываемых событий, занимает у Полибия всего одну книгу. Связано это с тем, что греческий историк первые две книги своего труда

¹ Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. С. 234.

отвел под введение, где в сжатой форме изложил события, предшествующие Второй Пунической войне. Сам он об этом написал так: *«Содержащееся в двух книгах введение уяснит читателям, что покорение мира своей власти римляне задумали и осуществили с помощью верно рассчитанных средств»* (I, 3). Таким образом, история Первой Пунической войны служила Полибию лишь своеобразным прологом к рассказу о Второй и Третьей Пунических войнах и эпохе больших римских завоеваний в Восточном Средиземноморье. Не более. Невзирая на все эти недостатки, именно повествование греческого историка дает самую подробную информацию о первом вооруженном конфликте между Римом и Карфагеном. Несмотря на небольшой объем введения, Полибию хотелось дать как можно больше информации об этих судьбоносных событиях. Он логично разъясняет свою позицию: *«Немного подробнее мы постараемся изобразить первую войну между римлянами и карфагенянами из-за Сицилии»* (I, 13). Таким образом, благодаря похвальному желанию Полибия донести до читателя как можно больше сведений, у нас есть связный рассказ о Первой Пунической войне.

При написании «Всеобщей истории» Полибий активно использовал труды своих предшественников, в частности греческого историка Филина, уроженца сицилийского города Акрагант (Diod. XXIII, 8). Борьба за Акрагант между римлянами и карфагенянами на первом этапе войны имела важнейшее стратегическое значение. И кому, как не Филину было знать все нюансы этого противостояния! Историк из Акраганта придерживался откровенных антиримских взглядов, и Полибий не преминул на данный факт обратить внимание. Другим автором, на которого неоднократно ссылался Полибий, был Квинт Фабий Пиктор, римский историк-анналист², живший во второй половине III века до н. э., автор «Анналов», написанных на греческом языке. Естественно, что симпатии Пиктора были на стороне его соотечественников. Но Полибий не удержался и подверг аргументированной критике подход к освещению исторических событий Филина и Фабия, а заодно высказал свое мнение о том, в чем заключается первейшая обязанность историка. И сделал он это на примере Первой Пунической войны: *«Остановиться на этой войне побуждало меня, кроме вышеиз сказанного, и то обстоятельство, что писавшие о ней Филин и Фабий, хотя и почитаются весьма сведущими историками ее, сообщают нам известия не вполне точные. Принимая, впрочем, во внимание жизнь их и настроение, я не думаю, что они намеренно говорили неправду, мне кажется, с ними случилось нечто подобное тому, что бывает с людьми влюбленными. Так, благодаря своему настроению и вообще благоговению к карфагенянам Филин находил все действия их разумными, прекрасными и великодушными, во всем этом совершенно отказывая римлянам. Фабий поступал наоборот. В обыденной жизни подобного рода пристрастие, быть может, не заслуживает осуждения, ибо человек честный обязан любить своих друзей и свое отечество, разделять их ненависть и любовь к врагам их и друзьям. Напротив, тому, кто берет на себя задачу историка, необходимо забыть все это и нередко превозносить и украшать своих врагов величайшими похвалами, когда поведение их того заслуживает, порицать и беспощадно осуждать ближайших друзей своих, когда требуют того ошибки в их поведении. Как существо живое делается ни к чему не годным, раз у него отнято зрение, так вся история обращается в бесполезное разглагольствование, раз она лишена истины. По этому же самому мы не должны непременно обличать друзей или восхвалять врагов; не следует смущаться тем, если одних и тех же людей приходится раз порицать, другой раз хвалить, ибо невозможно, чтобы люди, занятые государственными делами, были всегда непогрешимы, равно как неправдоподобно и то, чтобы они постоянно заблуждались. Итак, в историческом повествовании необходимо отрешиться*

² Анналисты – римские историки III–I вв. до н. э. Условно разделялись на старших, средних и младших анналистов. Фабий Пиктор принадлежал к старшим анналистам, написавшим свои труды в период с III по первую половину II вв. до н. э. Исторические работы старших анналистов больше напоминали литературные произведения, поскольку анналисты злоупотребляли риторическими изысканиями, занимались откровенной фальсификацией исторических фактов с целью прославления Рима.

от деятелей и лишь к самым действиям их прилагать соответствующие мнения и суждения» (Polyb. I, 14).

В дальнейшем Полибий вновь подвергнет убедительной критике как труд Фабия Пиктора, так и самого историка: *«С какою целью я упомянул о Фабии и его сочинении? Не из боязни того, как бы его рассказ не был принят кем-либо с доверием, ибо нелепость его очевидна для читателей сама по себе и без моих объяснений, но для того, чтобы напомнить людям, которые возьмут в руки его сочинение, что следует обращать внимание не на имя писателя, но на содержание его сочинения. Ибо иные читатели обращают внимание не на то, что пишется, а на личность пишущего, и, зная, что писатель был современником описываемых событий и членом римского сената, по тому самому принимают всякое известие его за достоверное. Я же утверждаю, что хотя и не должно пренебрегать показаниями этого историка, однако не следует считать его непогрешимым, напротив, читатели обязаны составлять свои суждения на основании самых событий»* (Polyb. III, 9). Вне всякого сомнения, Фабий Пиктор был человеком пристрастным и грешил тем, что многие факты трактовал в пользу своих соотечественников, очень любил занижать римские потери и преувеличивать вражеские, что нашло отражение и в работах последующих поколений римских историков, активно использовавших «Анналы» Фабия, в том числе и Тита Ливия, чей эпический труд «История Рима от основания города» мог бы стать важнейшим источником по интересующему нас вопросу. Но не стал. Потому что вторая декада «Истории», книги с XI по XXI, где подробнейшим образом излагалось описание Первой Пунической войны, до наших дней не дошли, а сохранились лишь в перипомах – кратких изложениях.

Историк Аппиан Александрийский, живший во II веке н. э., также затронул тему Первой Пунической войны. Его труд был построен по этническому принципу, Аппиан описывал историю различных территорий вплоть до их присоединения к Риму в том порядке, в каком они попали под его власть. В книге V Аппиан описывал войны на Сицилии, и значительная часть раздела была посвящена Первой Пунической. Но ситуация здесь сложилась такая же, как и со второй декадой Тита Ливия – V книга труда Аппиана не сохранилась. Правда, в VIII книге, рассказывающей о событиях в Ливии, небольшой рассказ посвящен африканской экспедиции римлян в 256–255 гг. до н. э., где автор приводит очень интересную информацию, существенно дополняющую сведения Полибия.

Не обошел вниманием Первую Пуническую войну и Диодор Сицилийский (прим. 90–30 гг. до н. э.), древнегреческий историк из города Агириума на Сицилии. Сообщаемая им информация представляет особый интерес, поскольку именно на Сицилии происходили главные события этого достопамятного конфликта. Однако от книг XXII, XXIII, XXIV и XXV, где излагались события Первой Пунической войны, восстания наемников в Карфагене и завоевания Иберии пунийцами, сохранились только фрагменты. Та же самая ситуация сложилась и с «Римской историей» Диона Кассия, поскольку посвященные данной теме главы опять-таки сохранились только в отрывках. Однако в XII веке византийский историк Иоанн Зонара активно использовал труд Диона Кассия для написания своей исторической хроники, благодаря чему до нас дошло содержание книг с VII по IX «Римской истории». И хотя Зонара эти главы сильно сократил, мы находим в них уникальную информацию о событиях первой войны, которая отсутствует у других античных авторов. В целом же можно констатировать, что Первой Пунической войне в определенной степени не повезло, сведений о ней сохранилось значительно меньше, чем о второй войне между Римом и Карфагеном.

Интересный рассказ о Первой Пунической сохранился в «Истории против язычников» христианского теолога Павла Орозия. Главную цель своего труда Орозий обозначает так: *«Я решил объяснить начало несчастного состояния людей от первого греха человека»* (I, 1, 4). В дальнейшем писатель уточнит хронологические рамки своего труда: *«Итак, намереваясь вести повествование от сотворения мира до основания Города, а далее до правления Цезаря*

[Августа] и рождения Христа, со времени Которого Империя пребывала под властью Рима, или даже до наших дней, насколько мне удастся открыть, я, намереваясь словно бы в зеркале отразить столкновения в роде человеческого и [показать] мир зла, зажженный факелом страстей и пылающий в различных частях» (I, 1, 14–15). Таким образом, Орозий решил ознакомить читателей с историей через призму своих теологических воззрений и представить ее как череду страшных грехопадений рода человеческого от Адама до времени правления императора Гонория (384–423 гг.). Повествование Орозия о первом противостоянии Рима и Карфагена достаточно подробно и информативно, но в целом отражает римскую точку зрения на события. Историк делает краткий экскурс в историю Карфагена от самого его основания, описывает как внутренние смуты в городе, так и войны с сицилийскими греками. При этом периодически ссылается на Помпея Трога и Юстина. Таким образом, рассказ Орозия в какой-то мере восполняет некоторые пробелы в истории Первой Пунической войны.

Марк Юниан Юстин, на которого ссылался Павел Орозий, жил в III веке н. э. и был известен как автор извлечения из не дошедшего до нас обширного исторического труда в 44 книгах более раннего римского историка I века Помпея Трога. В произведении Трога мы сталкиваемся с ярко выраженной антиримской традицией, которую во время переработки первоначального текста пытался сгладить Юстин. Марк Юниан подверг труд Помпея Трога тщательной переработке, отобрал наиболее значимые, на его взгляд, события, а остальные оставил без внимания. Его сочинение называется «История Филиппа» и посвящено оно отцу Александра Великого, македонскому царю Филиппу II. Несмотря на то что главное внимание Юстин уделяет истории Македонии и эллинистического Востока, его труд содержит ценную информацию о Карфагене.

Небольшой раздел, посвященный Первой Пунической войне, присутствует в «Римских войнах» Луция Аннея Флора (70–140 гг. н. э.). Полное название труда Флора «Эпитомы Тита Ливия», в нем содержится краткий обзор истории Римской империи. Иногда Флор приводит некоторые данные относительно потерь сторон, но в целом его описание сражений больше напоминает художественное произведение, настолько ярко и красочно они описаны автором. Флавий Евтропий, живший в IV веке н. э., написал «Бревиарий от основания города», где в сокращенной форме изложил историю Рима от Ромула и Рема до правления императора Валентиниана I. О Первой Пунической войне рассказывается во второй книге «Бревиария».

Секст Юлий Фронтин (30–103 г. н. э.), военный и политический деятель эпохи династии Флавиев, в работе под названием «Стратегемы» («Военные хитрости»), также рассказывает о некоторых интересных моментах первого противостояния Рима и Карфагена. Фронтин хорошо знал военное дело, во время правления императора Нерона воевал в Армении под командованием знаменитого военачальника Гнея Домиция Корбулона. Будучи легатом, Фронтин успешно действовал на территории Британии против восставшего местного населения. В «Стратегемах» он рассказывает о различных тактических приемах, благодаря которым были одержаны победы. Ряд эпизодов посвящен и Первой Пунической войне.

Римский историк Корнелий Непот был автором труда «О знаменитых людях», куда входило несколько книг биографий полководцев, деятелей культуры и других выдающихся личностей. В раздел «О знаменитых иноземных полководцах» вошли биографии Гамилькара Барки и его сына Ганнибала. Непот писал простым и доступным языком, в отличие от Плутарха он просто констатировал факты, и поэтому его произведение получилось небольшим по объему. Но ряд интереснейших подробностей, о которых сообщает Непот, отсутствует в трудах других историков античности, что делает его биографии ценным источником.

Немного информации об отдельных эпизодах Первой Пунической войны можно найти в «Стратегемах» Полиэна, историка македонского происхождения, жившего во II веке н. э. Ряд свидетельств содержится в трудах Цицерона и Авла Геллия, но они лишь дополняют общеизвестные факты.

І. Накануне войны

1. Карфаген

Эпирская армия покидала Сицилию. На корабли грузились фалангиты и пельтасты, фессалийские кавалеристы и критские лучники. Ревели боевые слоны, ржали кони, звенело железо, голоса тысяч людей сливались в непрерывный гул, который постепенно усиливался. К полудню погрузка на суда была закончена, воины расположились на палубах, а моряки замерли на своих местах, ожидая команды к отплытию. Последним на борт флагмана поднялся высокий человек в пурпурном плаще и позолоченном панцире. Моряки затащили сходни на корабль, загремел барабан келевста³, гребцы налегли на весла, и пентера быстро заскользила по водной глади. Военачальник в пурпурном плаще прошел на корму, снял украшенный козлиными рогами шлем и долго смотрел на удаляющийся берег. Затем резко обернулся, указал рукой в сторону Сицилии и обратился к стоявшим рядом младшим командирам: *«Какое ристалище для состязаний оставляем мы римлянам и карфагенянам, друзья!»* (Plut. Pуг. 23). Царь Эпира Пирр больше никогда не вернется на Сицилию.

* * *

Вкратце рассмотрим положение дел в Карфагене накануне Первой Пунической войны. Легендарный Карфаген (на финикийском Картхашт) был основан на территории Северной Африки в 823 году до н. э.⁴ аристократами-эмигрантами из финикийского города Тира. Хотя иногда называется и другая дата – 814 год до н. э.⁵ Юстин пишет о том, что Карфаген был основан на 72 года раньше, чем Рим (XVIII, 6). С учетом того что датой основания Рима считается 753 год до н. э., получается 825 год до н. э. Разница, как видим, не принципиальная.

Картхашт был расположен на северо-востоке Африканского континента, на берегу современного Тунисского залива. Столь выгодное местоположение позволяло карфагенянам контролировать торговые пути из Восточного Средиземноморья в Средиземноморье Западное. Именно благодаря активной торговле Карфаген получит мощнейший толчок для дальнейшего развития и начнет превращаться в колониальную державу. Значительную роль в экономике государства играло сельское хозяйство. Житницей страны была долина реки Баград⁶, где находились обширные земельные владения карфагенской знати. Отличались плодородием и земли полуострова Кап-Бон, где были разбиты знаменитые виноградники. Обработкой полей занимались либо рабы, либо местное ливийское население, зависимое от пунийцев. У Диодора Сицилийского сохранилось описание благоустройства сельских территорий африканских владений Карфагена: *«Повсюду... виднелись огороды и сады, орошаемые многочисленными источниками и каналами. Между ними белели известью добротные дома, выстроенные вдоль дороги и демонстрировавшие богатство их обитателей. В жилищах имелось все необходимое для наслаждения жизнью и приобретенное за годы длительного мира. Здесь выращивали виноград, оливки и множество разнообразных фруктов. По обеим сторонам дороги на равнине паслись стада крупного рогатого скота и овец, а за главным пастбищем, ближе к болоту, тем-*

³ Келевст – начальник гребцов.

⁴ Циркин Ю. От Ханаана до Карфагена. С. 237.

⁵ Дриди Э. Карфаген и Пунический мир. С. 18.

⁶ Река Баград – современная река Меджерда.

нели табуны лошадей. Коротко говоря, в этих землях сразу бросается в глаза благосостояние самых знатных землевладельцев Карфагена, употребляющих свое богатство для получения жизненных удовольствий» (XX, 8)⁷.

В похожем духе высказался и Аппиан, когда рассказывал о пригородах Картхадашта: «Предместье, Мегары, было занято огородами, богато плодовыми деревьями ранних сортов и полно терновником и загородками из ежевики и разного вида аканта, а также различными глубокими каналами с водой, шедшими во всех направлениях» (VIII, 117). Карфагеняне достигли значительных успехов в развитии сельского хозяйства, о чем свидетельствует уже упоминавшийся трактат Магона «О земледелии». Недаром римляне решили перевести его на латынь.

На западе африканские владения карфагенян соприкасались с землями кочевников-нумидийцев. На тот момент Нумидия еще не была единым государственным образованием, как это произойдет во II веке до н. э. В ее восточной части проживали племена масилиев, а на западе племена масайсилиев. Во главе каждого племени стоял свой правитель, нумидийцы нередко враждовали друг с другом и в итоге оказались в зависимости от Карфагена.

Торговая активность пунийцев привела к тому, что Карфагенская держава стала увеличиваться в размерах. К началу Первой Пунической войны под властью Картхадашта находилось побережье от Большого Сирта⁸ до Геракловых столбов⁹, финикийские колонии юго-запада Иберийского полуострова, Балеарские острова, Сардиния и большая часть Сицилии. И если большая часть вышеперечисленных территорий имела для Картхадашта чисто экономическое значение, то Сицилия имела значение стратегическое. Обусловливалось это прежде всего тем, что «Карфаген отделяется от Сицилии кратчайшим водным путем» (Thuc. VI, 2). Пока большая часть острова находилась под контролем пунийцев, он как щит прикрывал африканские владения карфагенян и их столицу. В случае потери Сицилии появление вражеской армии в долине Баграда или на полуострове Кап-Бон становилось печальной реальностью.

По свидетельству Фукидида, карфагеняне появились на Сицилии исключительно ради торговли с местным населением (VI, 2). Но постепенно в Карфагене осознали, что, только удерживая западное побережье острова, можно помешать дальнейшей экспансии греков в сторону Геракловых столбов. Это в свою очередь привело к серии кровопролитных войн с эллинами, которые шли с переменным успехом на протяжении нескольких столетий. Но к началу Первой Пунической войны удача в этом затяжном противостоянии склонилась на сторону пунийцев, недаром Павсаний заметил: «Когда у римлян началась война против карфагенян из-за Сицилии, то карфагеняне владели больше чем половиной этого острова» (VI, XII, 2). Главными опорными пунктами карфагенян на Сицилии были города-крепости Панорм¹⁰ и Лилибей¹¹, основанные пунийцами в 754 и 396 гг. до н. э. Город Дрепан¹² основали финикийцы в X веке до н. э., он был расположен на полуострове в форме серпа, за что и получил свое название. Дрепан обладал прекрасной гаванью, имеющей два прохода, и именно здесь базировался карфагенский флот на Сицилии. Опираясь на эти военно-морские базы, пунийцы успешно развивали наступление в глубь острова и в итоге сумели захватить город Акрагант¹³, расположенный в южной части Сицилии и имевший важнейшее стратегическое значение. После нескольких кровопролитных войн с Сиракузами между двумя государствами установился некий стратегический баланс сил, когда ни одна из противоборствующих сторон не могла нанести противнику

⁷ Майлз Р. Карфаген должен быть разрушен. С. 99.

⁸ Большой Сирт – современный залив Сидра у побережья Ливии.

⁹ Геракловы столбы – современный пролив Гибралтар.

¹⁰ Панорм – современный город Палермо.

¹¹ Лилибей – современный город Марсала.

¹² Дрепан – современный город Трапани.

¹³ Акрагант – современный город Агридженто.

решительное поражение. На какое-то время такое положение дел всех устроило, и карфагеняне решили обратить свое внимание на город Мессану, расположенный на берегу Мессинского пролива. Укрепившись в этом городе, пунийцы могли не только контролировать пролив, отделяющий Регийский полуостров от Сицилии, но и оказывать непосредственное влияние на положение дел в Южной Италии. Однако это понимали не только в Карфагене, но и в Риме. По мнению Полибия, *«вся Сицилия по своему положению есть для Италии и окончностей ее почти то же, что Пелопоннес для Эллады и ее мысов, с тою только разницею, что Пелопоннес – полуостров, а Сицилия – остров, ибо промежуточное пространство переходимо там по суше, здесь по морю»* (I, 42). Стратегическое чутье не подвело эпирского царя, предсказавшего большую войну между Римом и Карфагеном за этот остров.

Особую ценность для карфагенян представляла Сардиния, *«остров замечательный по величине, многолюдству населения и по своему плодородию»* (Polyb. I, 79). Недаром Полибий подчеркнул, что *«остров этот в трудные времена был для них всегда очень полезен»* (I, 79). Действительно, серебряные рудники Сардинии и богатые урожаи зерна делали ее важнейшей составляющей экономической мощи Карфагенской державы. Но, в отличие от Сицилии, на Сардинии ситуация для пунийцев складывалась несколько иначе. Дело в том, что местное население, которое Диодор Сицилийский называет *«иолаи»*¹⁴, совершенно не желало подчиняться чужеземцам. Вооруженное противостояние растянулось на многие годы, и даже после того как вместо карфагенян на остров пришли римляне, жители острова продолжили борьбу за свободу. Им было все равно, против кого воевать – против пунийцев или против сыновей волчицы: *«Даже карфагеняне, достигшие значительного могущества и захватившие остров, не сумели подчинить себе прежнее население, поскольку иолаи укрылись в горной его части, соорудив подземные жилища, и держали на пастбищах многочисленные коровы стада и получали от них в изобилии пропитание, имея в достаточных количествах молоко, сыр и мясо. Покинув равнинную часть острова, они избавились от тягот /полевых/ работ и, обитая в горах, вели жизнь, лишенную тягот, и питались упомянутой едой. Несмотря на то что карфагеняне неоднократно посылали против них значительные силы, благодаря труднопроходимой местности и недоступности своих подземных жилищ туземцы оставались непокоренными. Наконец, когда римляне добились преобладания и стали неоднократно выступать против туземцев, те продолжали оставаться неуязвимыми для вражеских сил по указанным выше причинам»* (Diod. V, 15). Горцы были людьми воинственными, смыслом жизни которых были грабительские набеги на земли соседей: *«Горные жители составляют племена: параты, соссинаты, балары и акониты, живущие в пещерах. Хотя у них и есть некоторое количество земли, годной для посева, но они даже и ее засевают небрежно; они грабят поля земледельцев, не только тех, что живут на острове, но и поля на материке, в особенности же писатов, к которым они переправляются морем»* (Strab. V, II, 7). Положение дел долго не менялось в лучшую сторону и после появления на Сардинии римлян.

Первые финикийские колонии появились на Иберийском полуострове еще до основания Карфагена. Город Гадес¹⁵, известный своим храмом Мелькарта (у греков Геракла), был основан в 1100 году до н. э.¹⁶, но в итоге оказался под властью пунийцев. И произошло это тогда, когда жители Гадеса, не в силах сдержать натиск местных племен, обратились за помощью в Картхадашт. Карфагеняне оказали вооруженную поддержку своим финикийским родичам и отбросили иберийцев от Гадеса, но при этом соблюли и собственные интересы. Как посетовал

¹⁴ Иолаи – согласно Диодору Сицилийскому, потомки поселенцев, прибывших на Сардинию под предводительством Иолая, племянника Геракла.

¹⁵ Гадес (Гадир) – современный город Кадис в Испании.

¹⁶ Дриди Э. Карфаген и Пунический мир. С. 120.

Юстин, пунийцы «сами еще более несправедливо подчинили своей власти часть [этой] провинции» (XLIV, 5). Таким образом Гадес оказался в зависимости от Карфагена.

Закрепившись на юго-западе Иберийского полуострова, карфагеняне получили доступ к его богатейшим ресурсам. Во-первых, они могли теперь беспрепятственно вербовать испанских наемников и, во-вторых, проникли на серебряные рудники. Именно с испанским серебром связывали некоторые авторы античности быстрый рост могущества Карфагена: «Доставляя серебро в Элладу, Азию и всем другим народам, финикийцы накопили огромные богатства. При этом стремление купцов к наживе было столь велико, что когда корабли были уже слишком загружены, но серебро еще оставалось в избытке, они отсекали свинцовые части якорей и использовали вместо них серебряные. Занимаясь в течение многих лет этой торговлей, финикийцы достигли значительного могущества и основали множество поселений – одни на Сицилии и близлежащих островах, другие – в Ливии, на Сардинии и в Иберии» (Diod. V, 35). Впрочем, влияние карфагенян в Испании в данный период не было значительным и не шло ни в какое сравнение с тем положением дел, которое сложится в этом регионе накануне Второй Пунической войны.

Но был еще один важный момент, напрямую связанный с установлением карфагенского протектората над финикийскими колониями Иберии – пунийцы получили выход в Атлантический океан. Теперь карфагеняне осуществляли экспедиции вдоль западного побережья Африки и совершали рейды на север к «Оловянным островам». Иногда эти острова называют Касситеридские или Эстримнидские. О том, что это были за острова, существует масса версий и предположений, одни исследователи отождествляют их с Бретанью¹⁷, другие – с Корнуоллом на Британских островах¹⁸. Достоверно можно утверждать лишь одно – они находились к северу от Лузитании. Однако где конкретно – ведомо только олимпийским богам. Возможно, это было связано с тем, что карфагеняне очень серьезно относились к тому, чтобы держать свои торговые пути в тайне от конкурентов. Сохранился рассказ Страбона о том, на какие ухищрения шли пунийцы, чтобы сохранить в секрете путь к Касситеридским островам: «В прежние времена только одни финикийцы вели эту торговлю из Гадиры, так как они скрывали ото всех путь туда. Когда римляне однажды пустились преследовать какого-то финикийского капитана корабля, чтобы самим узнать местонахождение торговых портов, то этот капитан из алчности намеренно посадил свой корабль на мель, погубив таким же образом своих преследователей. Сам, однако, он спасся на обломках разбитого корабля и получил от государства возмещение стоимости потерянного груза» (Strab. III, V, 11). Но при этом карфагеняне никогда не занимались пиратством. Недаром Цицерон сравнил их с этрусками, для которых морской разбой был весьма прибыльным делом: «ведь из самих варваров ранее никто не жил у моря, кроме этрусков и пунийцев; одни из них жили у моря с целью торговли, а с целью разбоя – другие» (De re pub. II, IV).

Со временем в сферу влияния Карфагена вошли Балеарские острова, где пунийские военачальники вербовали отряды знаменитых на все Средиземноморье балеарских пращников.

* * *

Буквально несколько слов о государственном устройстве Карфагена. Практически все, что нам известно по данному вопросу, мы знаем из «Политики» Аристотеля. В одном из разделов этой работы ученый сравнивает политические учреждения Спарты, Крита и Карфагена. О Картхадаште он пишет в самых превосходных тонах: «И карфагеняне, как полагают, пользуются прекрасным государственным устройством, которое во многих отношениях отли-

¹⁷ Циркин Ю. От Ханаана до Карфагена. С. 339.

¹⁸ Дриди Э. Карфаген и Пунический мир. С. 185.

чается от остальных; в некоторых частях оно сходно главным образом с лакедемонским. Вообще эти три государственных устройства – критское, лакедемонское и карфагенское – до известной степени очень близки друг к другу и значительно отличаются от остальных. Действительно, многие стороны государственной жизни устроены у карфагенян прекрасно. Доказательством слаженности государственного устройства служит уже то, что сам народ добровольно поддерживает существующие порядки и что там не бывало ни заслуживающих упоминания смут, ни тирании» (II, VIII, 1). Скажем так, смуты в Карфагенской державе были достаточно серьезные, но то, что ни одна из них не увенчалась успехом, – факт, сомнению не подлежащий. Поэтому Юстин, рассказывая читателям о Картхадаште, отметил: «Насколько славной была его военная доблесть, настолько же его внутренняя жизнь была полна раздоров» (XVIII, 6).

Аристотель продолжает развивать свою мысль и вновь сравнивает Спарту и Карфаген: «Сходство с лакедемонским государственным устройством в следующем: подобно лакедемонским фидитиям, в Карфагене существуют сисситии товариществ; эфорам соответствует должность ста четырех (отличие – и в положительную сторону – этих ста четырех от эфоров заключается в следующем: в то время как эфорами бывают первые попавшиеся, сто четыре избираются исключительно из людей благородного происхождения); цари и герусия соответствуют лакедемонским царям и геронтам, причем опять-таки преимущество заключается в том, что в Карфагене цари не должны непременно происходить ни из одного и того же рода, ни из какого попало, но должны принадлежать к выдающемуся роду... избираются из числа этих, а не по возрасту» (II, VIII, 2). Под царями Аристотель подразумевает двух суфетов, которых выбирали сроком на один год, но сам титул сохранялся за ними пожизненно. Суфеты ведали судебными делами, но о том, что они выполняли функции командующих армиями, в источниках никакой информации нет, Аристотель прямо пишет о том, что военачальников, так же как и суфетов, избирало народное собрание. Причем кандидаты на высокие посты в правительстве должны быть не только людьми благородными, но и состоятельными, потому что должностным лицам государство денег не выплачивает. По мнению карфагенян, только обеспеченный человек мог надлежащим образом исполнять свои обязанности. Ему нет необходимости заботиться о хлебе насущном, и все свое время он может посвятить государственным делам и работе на благо страны (II, VIII, 3). Однако Аристотель видит не только положительные стороны карфагенского государственного устройства: «Отрицательной стороной можно считать и то, что одному человеку предоставлена возможность одновременно несколько должностей; между тем в Карфагене такой порядок процветает» (II, VIII, 8).

После всех приведенных выше рассуждений Аристотель приходит к выводу о том, что в Карфагене власть принадлежит олигархам. При этом ученый отмечает, что избежать народных возмущений правящей элите до поры до времени удастся только потому, что они дают людям возможность разбогатеть. Но если недовольство все же вспыхнет, то у правительства возникнут большие затруднения, потому что в законах Карфагена на этот счет ничего не прописано (Arist.Pol. II, VIII, 9).

* * *

Рассказ о том, как злобные карфагеняне приносили в жертву своих детей, стал хрестоматийным. Ужасное святилище-некрополь тофет, раскаленная медная статуя Молоха, впавшие в исступление полубезумные жрецы, грохот барабанов... Но мы никогда не должны забывать, что все письменные источники, откуда мы берем информацию о Картхадаште, были написаны злейшими врагами пунийцев – греками и римлянами. Альтернативной точки зрения на события нет, историю пишут победители, так всегда было, есть и будет. Однако и среди нагромо-

дений лжи можно найти информацию, которая позволяет по-другому взглянуть на ситуацию. По поводу жертвоприношений Павел Орозий написал так: *«Известно, что некогда у карфагенян в жертву приносили людей, но скоро дурное предубеждение было оставлено»* (IV, 21, 4).

При этом человеческие жертвоприношения практиковали те же римляне и греки. Перед Саламинской битвой эллины принесли в жертву богам нескольких родственников Ксеркса, а римляне во время нашествия галлов в 225 году до н. э. зарыли на Бычьем форуме живьем двух греков – мужчину и женщину и двух галлов, тоже мужчину и женщину (Plut. Marcell. 3). Ситуация зеркально повторилась после разгрома римской армии при Каннах: *«повинаясь указаниям Книг, принесли необычные жертвы; между прочими галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже совершались человеческие жертвоприношения, совершенно чуждые римским священнодействиям»* (Liv. XXII, 57). В свете приведенной выше информации Плутарха, рассказ Ливия особого удивления не вызывает.

Но дело даже не в том, приносили карфагеняне человеческие жертвы или нет, мы видели, что подобная практика существовала у эллинов и квиритов. Цена вопроса – насколько массовым было это явление. Данные археологии опровергают утверждения враждебно настроенных по отношению к карфагенянам греческих и римских историков. В книге французского исследователя Э. Дриди «Карфаген и Пунический мир» убедительно доказывается, что в Картхадаште не было никаких массовых жертвоприношений маленьких детей. Это было подтверждено раскопками на тофете Карфагена. Их итоги для сторонников греко-римской версии истории легендарного города, были неутешительными: *«исследованиями, проведенными в институте судебной и социальной медицины в Лилле, было выявлено, что большая часть субъектов имела возраст от пяти месяцев внутриутробной жизни до нескольких недель после рождения. И, таким образом, ученые пришли к выводу, что тофет был местом погребения мертворожденных детей и детей, умерших вскоре после появления на свет»*¹⁹.

Вывод, который делает Э. Дриди, вполне закономерен: *«согласиться с постоянным, систематическим и массовым характером этих ритуалов в том виде, в каком их описывали классические авторы, означало бы оказывать больше доверия внешним источникам, чем конкретным материальным данным пунической археологии»*²⁰.

Сказки о том, как карфагеняне массово убивали своих детей, оставим на совести тех, кто их сочинил.

¹⁹ Дриди Э. Карфаген и Пунический мир. С. 283–284.

²⁰ Там же. С. 285–286.

2. Армия и флот Карфагена

Об армии Картхадашта нам известно очень немного. И если благодаря свидетельствам античных авторов и археологическим находкам о военных организациях Рима и эллинистических государств информации более чем достаточно, то о вооруженных силах Карфагенской державы данных очень и очень мало. Связано это с тем, что вся литература пунийцев была уничтожена, а греческие и римские историки не считали нужным рассказывать в подробностях об армии своих врагов. Но определенные сведения по данному вопросу можно найти в книгах Полибия и Тита Ливия, а также трудах Диодора Сицилийского и Плутарха. Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Элитным подразделением армии Карфагена и ее ядром был Священный отряд. В нем насчитывалось 2500 воинов, это были местные богачи и аристократы, отличившиеся на полях сражений (Diod. XVI, 80). Во время битвы Священный отряд сражался на правом фланге армии, защищая командующего (Diod. XX, 10). Невольно напрашиваются параллели с Элладой, где заслуженной славой пользовались спартанские гиппеи или Священный отряд из Фив.

Другой важной составляющей пунийской армии было гражданское ополчение Карфагена. Об этом свидетельствует описание Плутархом построения карфагенской армии в битве при Кримиссе²¹: *«впереди – запряженные четверкой грозные боевые колесницы, а за ними десять тысяч гоплитов с белыми щитами. По богатству вооружения, медленной поступи и строгому порядку в рядах коринфяне догадались, что это сами карфагеняне»* (Tim. 27). Если вместо колесниц вписать боевых слонов, то перед нами будет классическое построение армии Картхадашта эпохи Пунических войн.

Обратим внимание на снаряжение воинов карфагенского гражданского ополчения: *«тело у них было защищено железным панцирем, голова покрыта медным шлемом, и, выставив вперед огромные щиты, они легко отбивали удары копий»* (Plut. Tim. 28). Впрочем, во время этой достопамятной битвы тяжелое вооружение пунийских пехотинцев сыграло с ними злую шутку: *«Карфагенянам, вооруженным, как уже говорилось, отнюдь не легко, но закованному в панцири, мешали и грязь, и насквозь промокшие хитоны, которые,отяжелев, стесняли движения бойцов; греки без труда сбивали их с ног, а упав, они не в силах были снова подняться из грязи с таким грузом на плечах»* (Plut. Tim. 28). Насколько данное снаряжение было распространено среди карфагенян к началу Первой Пунической войны, сказать затруднительно. В целом же граждане, хорошо проявившие себя на военном поприще, пользовались среди соотечественников заслуженным уважением: *«в Карфагене... говорят, считается знаком отличия украшение, состоящее из колец по числу проделанных походов»* (Arist. Pol. VII, II, 6). Однако со временем гражданское ополчение Карфагена стало собираться только в том случае, если опасность угрожала непосредственно самому городу. В заморских походах эпохи Пунических войн ополченцы практически не участвовали, для Карфагена пришло время наемных армий. Сами карфагеняне служили теперь преимущественно на командных должностях.

Командовали армиями представители аристократических родов, которых выбирало народное собрание, но именно здесь и крылась мина замедленного действия, которая могла рвануть в самый неподходящий момент. Потому что настоящим бичом карфагенской армии стала некомпетентность высшего командного состава. Вновь обратимся к Аристотелю. По его авторитетному мнению, проблема заключалась в самом государственном строе Картхадашта: *«Всего же более отклоняется от аристократического строя в сторону олигархии карфагенское государственное устройство в силу вот какого убеждения, разделяемого большин-*

²¹ Битва у реки Кримиссы произошла в 341 году до н. э. на острове Сицилия. Армия сицилийских греков под командованием Тимолеонта нанесла сокрушительное поражение карфагенской армии.

ством: они считают, что должностные лица должны избираться не только по признаку благородного происхождения, но и по признаку богатства, потому что необеспеченному человеку невозможно управлять хорошо и иметь для этого достаточно досуга. Но если избрание должностных лиц по признаку богатства свойственно олигархии, а по признаку добродетели – аристократии, то мы в силу этого могли бы рассматривать как третий тот вид государственного строя, в духе которого у карфагенян организованы государственные порядки; ведь они избирают должностных лиц, и притом главнейших – царей и полководцев, принимая во внимание именно эти два условия» (Pol. II, VIII, 3). Командующих выбирали не за знания и опыт, а за знатное происхождение и богатство. Данный факт полностью объясняет, почему, обладая равными возможностями с врагом, карфагенские полководцы очень часто были нещадно биты на полях сражений. Пунийские военачальники боялись проявлять инициативу, вели себя либо излишне осторожно, либо слишком самоуверенно и при этом допускали грубейшие тактические ошибки. Деньги и славные предки не могли заменить талант полководца.

К началу Первой Пунической войны главную роль в армии Карфагена играли наемники. Плутарх дал очень верную оценку деятельности карфагенского правительства в этом направлении: *«пользуясь обычно услугами наемников – ливийцев, испанцев и нумидийцев, – они расплачивались за свои поражения чужою бедой»* (Tim. 28). Цицерон крайне негативно высказался по поводу того, что карфагеняне переложили ведение войн на плечи наемников, а сами сосредоточились исключительно на торговле. Оратор усмотрел в таком подходе к делу серьезную опасность для обороноспособности государства. Цицерон полагал, что *«ничто иное не повредило в большей степени уже давно поколебленным в своих устоях Карфагену и Коринфу, чем эти странствия и рассеяние их граждан, так как они, из-за своей страсти к торговле и мореплаванию, перестали обрабатывать поля и разучились владеть оружием»* (De re pub. II, IV). И если по поводу отсутствия интереса пунийцев к сельскохозяйственной деятельности Марк Туллий, мягко говоря, ошибся, то в остальном с ним невозможно не согласиться.

Полибий как истинный военный профессионал отметил положительные и отрицательные стороны столь массового использования наемников на службе государства: *«Дело в том, что карфагеняне постоянно имели у себя на службе наемников различных стран и, составляя войско из многих народностей, добивались того, что наемники с трудом и нескоро столкновались между собою, повиновались начальникам и не были для них опасны; но карфагеняне попадали в гораздо большее затруднение, когда им приходилось увещевать, успокаивать и разубеждать наемников в случаях раздражения их, гнева и волнений. И в самом деле, раз этими войсками овладевают недовольство и смута, они ведут себя не как люди и под конец уподобляются диким зверям, впадают в бешенство... Войска состояли частью из иберов и кельтов, частью из лигистингов и балеарян, и лишь немного было полуэллингов, большей частью перебежчики и рабы; самую многочисленную долю наемников составляли ливияне»* (I, 67).

О том, как были вооружены ливийские воины в карфагенской армии накануне Первой Пунической войны, точной информации нет. Можно допустить, что их снаряжение было похоже на доспехи и оружие греческих гоплитов, но это будет только предположение и не более. Косвенно это подтверждается свидетельством Плутарха: *«У карфагенян же копьеметателей нет, и они привыкли биться короткою пикой, не выпуская ее из руки»* (Marcell. 12). Не македонские сарисы, а именно копья. Соответственно и фаланга, в строю которой сражалась ливийская пехота, была дорийская, а не македонская. Впрочем, знаменитый карфагенский полководец Ганнибал, сын Гамилькара, критически относился к снаряжению тяжеловооруженной карфагенской пехоты и при первой же возможности перевооружил ее по римскому образцу (Polyb. XVIII, 28).

Гораздо больше нам известно об иберийских и галльских воинах, служивших наемниками в армии Карфагена. Юстин так охарактеризовал воинственных уроженцев Иберийского

полуострова: *«Тело жителей Испании всегда готово к перенесению голода и лишений, дух — к смерти. Все они ведут образ жизни суровый и экономный. Войну они предпочитают миру; если нет врага иноземного, они ищут врага в своей стране»* (XLIV, 2). Рассмотрим вооружение и тактические приемы испанских воинов. Важную информацию сообщает Страбон, когда рассказывает о племени лузитан, проживающих на юго-западе Иберийского полуострова: *«Действительно, лузитаны, как говорят, искусно умеют устраивать засады, выслеживать врага; они проворны, ловки, отличаются прекрасной маневренностью в строю. Они носят возгнуемый вперед небольшой щит 2 футов в поперечнике, висящий на ремнях (так как у него нет ни колец, ни ручек). Кроме этих щитов, они вооружены еще кинжалом или ножом. Большинство носят льняные панцири, только у немногих кольчуги и шлемы с тремя султанами, остальные же носят шлемы из сухожилий. Пешие воины носят также поножи; каждый воин имеет несколько дротиков; у иных есть копья с медными наконечниками»* (III, III, 6). В дальнейшем географ добавит ряд существенных деталей: *«Иберы были, собственно говоря, все пельтастами и носили в соответствии с разбойничьей жизнью легкое вооружение (как я говорил это о лузитанах), употребляя только дротики, пращи и кинжалы. С пехотными военными силами у них была смешана конница, так как их лошади были приучены ходить по горам и легко сгибать колени по команде, когда это было нужно»* (Strab. III, IV, 15).

Не обошел вниманием военные традиции испанцев и Диодор Сицилийский: *«Самыми доблестными из иберов являются лузитаны, которые носят в сражениях совсем небольшие щиты, оплетенные жилами и очень хорошо защищающие тело по причине своей прочности: легко двигая этим щитом в битве из стороны в сторону, [воин] умело отражает любую пушечную стрелу. Используют они также снабженные крючками дротики целиком из железа, а щиты и мечи у них почти такие, как у кельтиберов. Цель они поражают метко и с дальнего расстояния, а удары вообще переносят стойко. Легкие и подвижные, они проворны и в бегстве, и в преследовании, однако в сражении в строю значительно уступают выдержкой кельтиберам. В мирное время они упражняются, исполняя легкий танец, который требует значительной силы ног, а на войне шагают, выдерживая ритм, и устремляются на врага с пением пеана. У иберов и особенно у лузитан можно наблюдать также особое явление: достигнув цветущего возраста, юноши, живущие в особой бедности, но отличающиеся телесной силой и храбростью, уповая на собственную отвагу и оружие, собираются в труднодоступных горах и, составив большие отряды, совершают набеги в Иберии и, занимаясь грабежом, собирают богатства. Эти действия они совершают с полным презрением ко всему: поскольку они имеют легкое вооружение и очень подвижны и стремительны, справиться с ними чрезвычайно трудно»* (V, 34). Насчет подвижности испанцев Диодор не ошибся, перед битвой они исполняли ритуальные военные танцы: *«Они вынеслись из лагеря, приплясывая по своему обычаю»* (Liv. XXIII, 26). Иберийцы были прекрасно тренированными бойцами, воспитанными в местных традициях: *«У них устраиваются состязания для легковооруженных, тяжеловооруженных воинов и всадников в кулачном бою, беге, перестрелке и в сражении отрядами»* (Strab. III, III, 7). После смерти испанский воин удостоивается особых почестей: *«У воинственного племени иберов вколачивают вокруг могилы умершего столько кольев, сколько он истребил врагов»* (Arist. Pol. VII, II, 6).

Иберийцы были не только хорошими пехотинцами, но и великолепными наездниками, что позволяло им во время сражения сочетать оба способа ведения боя: *«следующий обычай не является особенностью одних иберов: они ездят вдвоем на лошади, хотя во время битвы один из всадников сражается пешим»* (Strab. III, IV, 18). На данный факт обратил внимание и Полибий: *«В ведении войны наблюдается у кельтиберов следующая особенность: когда они замечают, что пехоту их теснят, то спешиваются и оставляют лошадей спокойно стоящими в строю: к концам уздечек они привешивают маленькие кольишки, крепко вколачивают их*

в землю и таким образом приучают своих лошадей покорно оставаться в строю, пока седоки не возвратятся и не выдернут кольшиков» (fr. 95).

Еще один принципиальный момент. Если во время Первой Пунической войны испанцы служили в армии Карфагена исключительно как наемники, то во второй войне с Римом карфагенские полководцы будут просто призывать иберийские контингенты под свои знамена. Произойдет это благодаря тому, что в промежуток между двумя войнами пунийцы завоюют большую часть Иберийского полуострова и превратят его в военную и экономическую базу для похода на Рим.

Несколько слов об иберийских мечах. Мастерство испанских оружейников было высочайшим, они изготавливали продукцию отличного качества. Диодор Сицилийский восхищается оружием кельтиберов, поскольку оно *«рассекает все, что встречается на пути, так что ни щит, ни шлем, ни кость не могут вынести удар из-за высокого качества железа»* (V, 33). Испанцы использовали два вида мечей – иберийский меч с прямым двухлезвийным клинком, длиной около 75 см, и кривой меч фалькату (falcate) длиной 60 см. Изогнутый и прямой мечи различались балансом. Центр тяжести прямого меча располагался на уровне гарды или на несколько сантиметров выше, а кривой меч уравнивался на середине клинка, поскольку предназначался для рубящих ударов. Прямой меч будет взят на вооружение легионерами во время Второй Пунической войны, об этом сохранилось свидетельство Полибия: *«Кельтиберы сильно разнятся от других народов строением своих мечей, именно: мечи их имеют хорошо колющее острие и пригодны для нанесения ударов обеими сторонами. Вот почему римляне со времени войны с Ганнибалом покинули старинные мечи и заменили их мечами иберийскими. Строение мечей они усвоили, но никак не могли ни перенять доброкачественности железа, ни обработки его вообще»* (fr. 96). Это все, что касается испанских мечей.

Другим народом, чьи представители охотно и в большом числе служили наемниками в карфагенской армии, были галлы. Эти люди были прирожденными бойцами, для которых война в буквальном смысле слова являлась смыслом жизни: *«Все племя, теперь называемое галльским и галатским, помещено на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво. Поэтому в состоянии возбуждения галаты устремляются в бой открыто и без оглядки, так что тем, кто захочет применить хитрость, их легко одолеть. Кто бы, когда и где ни пожелал под любым случайным предлогом раздражить галатов, найдет их готовыми встретить опасность, хотя бы у них не было никакой поддержки в борьбе, кроме собственной силы и отваги»* (Strab. IV, IV, 2). Меч, копье и большой овальный щит являлись основными элементами вооружения и защиты воинов. Состоятельные галлы могли позволить себе иметь железные и бронзовые шлемы, но это не было массовым явлением. То же самое относится и к кольчуге, которая появляется у кельтов в III веке до н. э.

Диодор Сицилийский подробно рассказывает о воинских традициях галлов: *«Оружие у них вот какое. Щиты – высокие, в человеческий рост, с особыми украшениями, на некоторых выступают также искусно изготовленные медные изображения животных, и не только для красоты, но и для большей надежности. Шлемы – медные, с большими выступающими вокруг частями, благодаря чему носящие их выглядят исполинами: к некоторым из шлемов приделаны рога, к другим – чеканные протомы птиц или четвероногих животных. Боевые трубы у них необычайные и варварские: трубя в них, издают грозные звуки, напоминающие грохот сражения. Панцири – железные, кольчужные, однако некоторые полагаются только на данную от природы силу и сражаются обнаженными. Вместо короткого меча (ξίφος) они сражаются длинным мечом (σπάθη), который носят, подвесив на железной или медной цепи к правому бедру. Некоторые носят поверх хитона украшенный золотом или серебром широкий пояс. Впереди себя они выставляют копья, которые называют ланкии, с железными наконечниками длиной в один локоть и более, а шириной – чуть менее дипалесты. Мечи (ξίφν) у них не меньше, чем дротики у других народов, а наконечники у дротиков больше, чем мечи. Неко-*

торые из них выкованы прямыми, а некоторые – извилистыми по всей своей длине, чтобы не только наносить режущую рану, но и разрывать тело и при извлечении копья разрывать рану еще более» (Diod. V, 29).

Как и испанцы, галлы были отличными оружейниками. Однако в письменных источниках присутствуют свидетельства несколько иного рода: *«мечи их, как сказано было выше, пригодны только для первого удара, что вслед за тем притупляются и наподобие скребницы искривляются вдоль и поперек настолько, что второй удар получается слишком слабый, если только солдат не имеет времени выпрямить меч ногою, упирая его в землю... мечи их не имеют острия»* (Polyb. II, 336). Трудно сказать, откуда историк взял такую информацию, поскольку она идет вразрез с данными археологии: *«утверждение Полибия неосновательно, археологические свидетельства показывают, что многие галльские мечи были сделаны из высококачественного железа и представляли собой исключительно эффективное оружие»*²². В работе с железом галлы достигли высочайшего мастерства, и вряд ли изготавливаемое ими оружие было столь низкого качества. Местные кузнецы свое дело знали: *«Применяемые техники свидетельствуют о высокой квалификации и о хорошем знании руд, из которых путем последовательного нагрева иковки отбрасывалась огромная доля примесей. Галлы изобрели кузнечную сварку (соединение путем наложения слоев с различными свойствами). Это, в частности, необходимо было для мечей, сердцевина которых должна была оставаться мягкой, а лезвия максимально твердыми. Пайка отдельных фрагментов не практиковалась, ее заменяли оправкой, клепкой. Железо использовалось в первую очередь при производстве колоссальной массы оружия. Для этого создавались самые высокие технологии, которые позволяли производить мечи с ножнами из листового железа, пригнанными точно по клинку, поясные цепи из перевитых звеньев, острия пик с элегантной и мощной нервюрой, набалдашники шлемов»*²³. Галлы славились как отличные мечники, что вряд ли было бы возможно, имея они столь несовершенное оружие. Использование длинных мечей диктовало свою тактику на поле боя – чтобы нанести рубящий удар, воину требовалось свободное пространство. Поэтому ни о каких тесных боевых порядках речи быть не может: по большому счету, галльские мечники сражались каждый сам по себе.

Пехота галлов была страшна первым натиском, однако если атака не удавалась, кельты отступали, а затем снова устремлялись вперед. Но если противник продолжал стойко сдерживать их напор, боевой дух галлов резко падал: *«Галлы-инсубры и их соседи в Альпах обладали душами диких зверей, а телами сверхчеловеческими. Но опыт показал, что, насколько их первый натиск превосходит свойственный мужам, настолько следующий за ним слабее женского. Тела людей, выросших в Альпах, во влажном климате, подобны альпийским снегам: быстро разгораясь от битвы, они вскоре истекают потом и расслабляются при малейшем движении, словно [снег] от солнца»* (Flor. I, XX, II, 4). Полибий пишет, что галлы старались не ввязываться в затяжные военные предприятия, связанные с длительными переходами по труднопроходимой местности *«ввиду свойственной кельтам изнеженности и отвращения их к трудам»* (III, 79). На этот факт обратил внимание и Тит Ливий: *«этот народ не умеет переносить тягот дальнего пути»* (XXII, 2). В дальнейшем писатель вновь подчеркнет данный постулат: *«галлы не переносят усталости»* (Liv. XXVII, 48).

Представители галльской знати формировали конницу. О том, насколько хорошо они были защищены кольчугами и шлемами, можно говорить только предположительно. Перед атакой всадники забрасывали врагов дротиками, после чего шли в бой с мечами и копьями. Как и пехотинцы, галльские наездники были сильны своей индивидуальной подготовкой, о действии в едином и сплоченном кавалерийском строю речи быть не может.

²² Пенроз Д. Рим и его враги. С. 139.

²³ Брюно Ж.-Л. Галлы. С. 189.

Воинские традиции галлов были довольно своеобразны: «Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней, а окровавленные доспехи врагов передают слугам и увозят военную добычу, распевая боевые песни и победный гимн. Лучшую часть добычи они прибавляют к стене своего дома, как, бывает, поступают с добычей охотники. Головы наиболее выдающихся из врагов они бальзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям и похваляясь тем, что или кто-то из предков, или их отцы, или сами они не приняли предлагаемого за ту или иную голову выкупа. Говорят также, что некоторые из них гордятся тем, что не приняли за такую голову золота, равного ей по весу, являя тем самым некое варварское великодушие не потому, что благородно не продавать доказательства своей доблести, но потому, что враждовать с соплеменниками погибшего – зверство» (Diod. V, 29). Данную информацию подтверждает Страбон: «Кроме того, к их глупости присоединяется еще варварский и экзотический обычай, свойственный большинству северных народов, возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям и, доставив эти трофеи домой, прибавлять их гвоздями напоказ перед входом в дом. Посидоний говорит, что ему самому пришлось наблюдать подобное зрелище во многих местах, хотя сначала он чувствовал отвращение, но потом, привыкнув, спокойно переносил его. Головы знатных врагов галлы [сохраняли] в кедровом масле, показывали чужеземцам и не соглашались отдавать их [за выкуп] даже на вес золота» (Diod. IV, IV, 5).

Перед битвой галлы подбадривали себя оскорбительными выкриками в адрес противника, ударяя мечами и копьями о щиты: «Выстроившись к бою, галлы имеют обыкновение выходить перед строем и вызывать храбрейших из противников на поединок, потрясая оружием и устрашая врагов. Если же кто примет вызов, они принимаются превозносить подвиги предков и восхвалять собственную доблесть, тогда как противника оскорбляют, унижают и словами своими лишают его душевной отваги» (Diod. V, 29). По большому счету, кельты были бойцами-одиночками и предпочитали единоборства правильному сражению. Их главной целью было показать личную храбрость на поле боя: «Некоторые из них презирают смерть настолько, что устремляются навстречу опасностям обнаженными, в одном только поясе» (Diod. V, 29).

Внешний вид галлов в битве был жутким: «Роста галлы очень высокого, тела у них нежные и белые, а волосы русые от природы, причем этот естественный цвет они стараются усилить еще более с помощью искусственных средств. Поэтому галлы очень часто моют волосы известковым раствором и зачесывают их ото лба к макушке и шее, напоминая таким образом видом своим сатиров и панов. Благодаря такому уходу волосы у них становятся толстыми, ничем не отличаясь от конской гривы» (Diod. V, 28). Как и испанцы, кельты не могли спокойно стоять на месте, производя много лишних движений и шума, но недаром Марк Фурий Камилл²⁴ разъяснял своим воинам, что не стоит бояться громких криков и устрашающего вида галлов: «Ведь что ужасного для идущих в бой смогут сделать косматые волосы, суровость в их взорах и грозный внешний вид? Ну, а эти их неуклюжие прыжки и пустое потрясание оружием, и частые удары по щитам, и сколько другого расточается и движениями, и звуками среди угроз врагам из-за варварского и неразумного бахвальства, – какую пользу по самой своей природе способно это принести тем, кто нападает безрассудно, или какой страх внушить тем, кто сознательно стоит среди опасностей?» (Dion. Hal. XIV, IX).

Вместе с ливийцами, галлы и иберийцы входили в состав тяжеловооруженной пехоты карфагенской армии. Красочное описание галльских и испанских воинов сохранилось у Тита Ливия и Полибия. И хотя этот рассказ относится к битве при Каннах, вряд ли со времен Первой Пунической войны что-то радикально изменилось в воинских традициях этих народов: «Щиты иберов и кельтов были сходны между собою по форме, а мечи тех и других сильно

²⁴ Марк Фурий Камилл – легендарный римский полководец, освободивший Вечный город от галлов.

разнились: именно иберийским мечом одинаково удобно колоть и рубить, тогда как галатским можно только рубить, и притом на некотором расстоянии. Ряды кельтов и иберов поставлены были вперемешку; кельты не имели на себе никакого одеяния, а иберы одеты были в короткие туземные льняные хитоны, отделанные пурпуром, что придавало воинам необычайный и внушительный вид» (Polyb. III, 114). Греческому историку вторит историк римский: «У галлов и у испанцев щиты были вида почти одинакового, а мечи различные: у галлов очень длинные с закругленным клинком; у испанцев, которые в бою больше колот, чем рубят, – короткие и острые. Племена эти внушали особенный ужас и огромным ростом воинов, и всем их обличьем: галлы, обнаженные до пупа, испанцы в туниках ослепительной белизны, окаймленных пурпуром» (Liv. XXII, 46).

Кроме испанцев и кельтов в рядах пунийской армии служили наемниками лигурийцы, или, как их называет Полибий, лигистины. Племена лигурийцев проживали вдоль Средиземноморского побережья на юго-востоке Галлии и северо-западе Италии. Условия жизни в этих местах были непростыми, и это в свою очередь наложило отпечаток на характер лигурийцев. По свидетельству Страбона, те из них, кто проживал в Апеннинских горах, «живут по селениям, вспахивая и копая каменистую почву, скорее, как говорит Посидоний, выламывая камни» (V, II, 1). Но эти суровые люди были отличными бойцами, воевавшими со всеми, кто проходил по их землям, недаром Тит Ливий отметил, что «лигурийцы – племя, закаленное в войнах» (XXVII, 48). Перекрыв сухопутный маршрут вдоль побережья Средиземного моря из Италии в Иберию, лигистины создали римлянам большие проблемы: «они совершали грабительские набеги на суше и море и были настолько сильны, что дорога сделалась едва проходимой даже для больших армий. После восьмидесятилетней борьбы римлянам удалось с трудом открыть дорогу шириной только в 12 стадий для путешествий по государственным надобностям» (Strab. IV, VI, 3). У лигурийцев также были свои национальные особенности ведения боевых действий: «И хотя в походах они плохие всадники, но зато прекрасные тяжело-вооруженные воины и бойцы рукопашную. Оттого что они употребляют бронзовые щиты, некоторые выводят заключение, что они – греки» (Strab. IV, VI, 2). И раз уж речь зашла об эллинах, рассмотрим их деятельность в качестве наемников карфагенской армии.

Самой южной точкой Пелопоннеса был мыс Тенар, подобно острию меча далеко выдающийся в море. В этом месте скалистые горы спускаются к самой воде, а в каменоломнях некогда добывали знаменитый тенарский мрамор. Одной из достопримечательностей Тенара был окруженный зеленой рощей храм Посейдона (VIII, V, 1), служивший местом убежища для рабов и спартанских илотов. Но самой главной достопримечательностью этой угрюмой местности был известный на всю Элладу рынок наемников, где можно было нанять как воинов-одиночек, так и целые отряды. Во время войн диадохом афинский стратег Леосфен нанял там целую армию – 8000 профессиональных бойцов (Diod. XVIII, 9). Не обходили своим вниманием мыс Тенар и карфагенские вербовщики.

Защитное снаряжение греческих наемников состояло из шлема-пилоса, панциря и щита. Панцирь-линоторакс изготавливался из нескольких слоев ткани, склеенных между собой, и иногда усиленных металлическими пластинами. По словам П. Коннолли, который изготовил такой панцирь «Его оказалось трудно надевать из-за жесткости, но, чуть попривыкнув к доспеху, можно было ощутить, что в нем легко и удобно двигаться²⁵». В ближнем бою эллины использовали либо прямой меч ксифос, либо изогнутый меч копис, предназначенный для рубящих ударов в рукопашной схватке. Тяжелый клинок кописа доходил до 65 см. и в умелых руках был страшным оружием. Греческие наемники могли держать строй и сражаться в фаланге.

Несколько иные функции выполняли пехотинцы-фиреофоры. Фиреофоры подобно римским легионерам могли вести бой метательным оружием и сражаться в рукопашной схватке.

²⁵ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. С. 52.

Этому способствовало их вооружение: *«у них были в употреблении длинные щиты, тонкие и поэтому очень легкие, а кроме того, такие узкие, что не прикрывали тела, копья же их были гораздо короче сарис. Благодаря легкости копий, ахейцы могли поражать врагов издали; но в рукопашном бою с врагом они были в менее выгодном положении»* (Philop. 9). Но на этом сходство с легионерами и заканчивалось, поскольку сам строй фирофоров не отличался большой маневренностью: *«Построение мелкими отрядами ахейцам было не знакомо; у них было в употреблении построение фалангой, в которой копья не выставлялись вперед и щиты не смыкались, как в македонской фаланге; поэтому легко было их сбить с позиции и расстрелять»* (Philop. 9). Недаром ахейский стратег Филопмен упрекал своих солдат в том, что они не стоят твердо на месте во время сражения, а бегают по полю боя как пельтасты. О знаменитых критских лучниках будет сказано ниже, а греческие кавалеристы вряд ли представляли интерес для пунийцев, обладавших хорошей конницей. Поэтому нет никакого смысла рассказывать о греческих всадниках.

Обратим внимание на мобильные войска карфагенян. Среди этих подразделений наибольшую известность снискали отряды пращников с Балеарских островов: *«они считаются лучшими пращниками. В этом искусстве они, как говорят, весьма усердно упражнялись с тех пор, как финикийцы овладели островами. И финикийцы, говорят, первые надели на них туники с широкой каймой, но в битву они шли обычно неопоясанными, только обернув руку козьею шкурой или с дротиком, закаленным на огне, в другой руке, в редких случаях снабженным маленьким железным наконечником; вокруг головы они носят 3 пращи из тростника с черными кистями; это род тростника, из которого плетут канаты; и Филета говорит о нем в своей «Гермене»:*

Жалкий хитон и запятнанный грязью; вокруг же
Тонкой тальи обвит черной тростинки кусок,

как будто речь идет об опоясанном веревкой из тростника. Или же они употребляют пращи волосяные или жильные; одна петля с длинными ремнями для метания на дальние расстояния, другая с короткими ремнями – на близкое расстояние, а средняя праща – для среднего расстояния. Они с детства упражнялись в метании из пращей, так что даже не давали детям хлеба, если те не попадут в него из пращи» (Strab. III, V, 1). В этом же духе высказался и Диодор Сицилийский: *«Оружие островитян составляют три пращи, одну из которых они обматывают вокруг головы, другую – вокруг туловища, а третью держат в руках. Во время боевых действий они мечут камни намного большие, чем другие [пращники], и притом с такой силой, что кажется, будто снаряды посылает катапульта. Поэтому при штурме крепостных стен они поражают [воинов], стоящих между зубцами, нанося им тяжелые раны, а в сражениях в поле пробивают щиты, шлемы и любой доспех. Стреляют они так метко, что почти никогда не бьют мимо цели. Причина того – постоянные упражнения с самого детства, поскольку матери заставляют маленьких детей [то и дело] стрелять из пращи, а целью является прикрепленный к шесту хлеб: обучающийся не получает еды, пока не попадет в хлеб, – только тогда мать позволяет ему взять и съесть [этот хлеб]»* (V, 18). В состав мобильных подразделений карфагенской армии входили и отряды ливийцев, выполнявших функции метателей дротиков.

Иногда античные авторы упоминают у пунийцев отряды лучников (Diod. XIII, 54), присутствовали они и в армии Ганнибала, но национальную принадлежность этих бойцов определить сложно. Возможно, что это были уроженцы острова Крит. Критские лучники славились на все Восточное Средиземноморье как непревзойденные мастера своего дела. Воевать критяне любили и умели, недаром Аристотель подметил, что *«в Лакедемонии и на Крите почти все воспитание и масса законов рассчитаны на войну»* (Arist. Pol. VII, II, 6). Отличитель-

ной особенностью этих воинов был небольшой бронзовый щит, который они носили на левой руке. Критские лучники были необычайно мобильны, недаром Тит Ливий оговорился, что они *«были особенно скоры на ногу и могли сравняться в беге с конями»* (XXXI, 36). Тактика воинов с Крита была обычной тактикой легковооруженных подразделений: *«Критяне неодолимы на суше и на море в засадах, разбоях, в обкрадывании неприятеля, в ночных нападениях и вообще во всех делах мелких, сопряженных с хитростью; напротив, им недостает мужества и стойкости, когда неприятель наступает массою с фронта, выстроенный в фалангу; ахейцы и македоняне наоборот»* (Polyb. IV, 8). Тит Ливий характеризует легковооруженных воинов армии Карфагена как *«противника, который был подвижен и хорош в стычках, но уклонялся от настоящего боя, поражал неприятеля с безопасного расстояния, но не выдерживал рукопашной»* (XXVII, 18).

Важнейшую роль в пунийской армии играла кавалерия. Особенно прославились нумидийские всадники: *«они стараются приукрасить свою внешность, заплетая волосы на голове и отращивая бороды, носят золотые украшения, начищают зубы и стригут ногти. Редко увидишь, что на прогулках они прикасаются друг к другу, так как они стараются сохранить нетронутой свою прическу. Всадники у них сражаются большей частью вооруженные дротиками, на лошадях, взнузданных веревочной уздой, и без седел; впрочем, у них есть и сабли. Пешие же воины прикрываются слоновыми шкурами как щитами и одеваются в львиные, леопардовые и медвежьи шкуры и спят на них. Как это племя, так и следующие за ними масайсилы и вообще ливийцы в большинстве одеваются одинаково и похожи между собой и в других отношениях. Лошади у них маленькие, но быстрые и настолько послушные, что ими можно править прутиком. На лошадей надевают хлопчатобумажные или волосяные ошейники, на которых прикреплены поводья. Некоторые лошади следуют за хозяином, даже если их не тянут за поводья, как собаки. У них в ходу небольшие кожаные щиты, маленькие копыта с широкими наконечниками; они носят с широкой каймой без пояса хитоны и, как я уже говорил, шкуры в виде плащей и панцирей»* (XVII, III, 7).

Не менее ярко и красочно рассказал о нумидийских наездниках Аппиан. Он пишет о них как о людях, *«у которых и днем, и ночью было одно дело: действуя большим количеством дротиков, все время налетать и отступать и опять налетать. И вся битва у них состоит в бегстве и преследовании. Эти номады умеют и переносить голод и зачастую питаются травой вместо хлеба; а пьют они вообще только воду. И конь у них совершенно не знает даже вкуса овса, всегда питаясь травой, пьет же с большими промежутками»* (VIII, II, 11). Полибий обращает внимание на тактические приемы нумидийской конницы в сражении: *«нумидяне то быстро и враспынную отступали, то возвращались назад, с самоуверенностью и отвагой переходя в наступление: таков свойственный нумидянам способ битвы»* (III, 72). Тит Ливий пишет о ведении боя нумидийцами следующее: *«конники с двумя лошадьми как опытные наездники в пылу ожесточенной битвы привычно перепрыгивали в полном вооружении с усталой лошади на свежую: так ловки они сами и так выучены их лошади»* (XXIII, 29). Также карфагенское правительство привлекало на службу отряды мавританских всадников. Тит Ливий делает интересные наблюдения, сопоставляя боевые качества африканских наездников и испанских кавалеристов: *«нумидийский конник уступал испанскому, а мавр, метавший копье, – воину с легким щитом, противники были одинаково быстры, но испанцы сильнее телом и духом»* (Liv. XXIII, 26). Как следует из текста, у иберийских всадников были легкие щиты, недаром Полибий пишет про *«вооруженную небольшими щитами конницу»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.